

135 лет со дня рождения Г. Тукая

академия «КА»

Марсель Ибрагимов:

«Нужен Тукай во всей полноте его жизни и творчества»

*26 апреля с. г.
исполняется
135 лет
со дня рождения
Габдуллы Тукая.
В канун юбилейной
даты редакция «КА»
провела беседу
с казанским
литературоведом
Марселем
Ибрагимовым*

«КА». Марсель Ильдарович, наш разговор о Тукае хотелось бы начать с предельно общего вопроса: кем для нас, людей, живущих во втором десятилетии XXI века является Тукай?

М. И. Вы задали вопрос, который татарскими интеллектуалами был сформулирован вскоре после ухода поэта из жизни, и в разные периоды прошлого столетия предлагались разные варианты ответа на него.

«КА»: Речь, как я понимаю, идёт об изменчивой идеологической конъюнктуре, определявшей в XX веке разные трактовки личности Тукая и его творчества?

М. И. В том числе и об этом. Эта сторона вопроса интересно представлена в исследовании немецкого учёного Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы». Это в большей степени социологическое исследование, в котором автор анализирует восприятие Тукая с учётом сменявшихся в прошлом столетии и влиявших на литературную критику и литературоведение идеологием. Но меня в большей степени интересует вопрос о том, какие новые смыслы может открыть для себя в Тукае и его творчестве современный читатель, во многом свободный от идеологических оков.

«КА». Насколько применительно к Тукаю можно говорить о новых смыслах, ведь в прошлом столетии о его жизни и творчестве написаны десятки монографий, сотни статей, вышло несколько изданий его собраний сочинений, включая последнее – шеститомное академическое. Наконец, издана Тукаевская энциклопедия, которую можно рассматривать своего рода венцом тукаеведения XX века?

М. И. Вы правы: среди татарских литературоведов трудно найти учёного, который не отметил бы в области тукаеведения. Почти у каждого исследователя татарской литературы в его бэкграунде найдётся хотя бы одна статья, посвящённая Тукаю, пусть даже косвенно. Что уж говорить о таких учёных, как И. Нуруллин, Р. Гайнанов, М. Магдеев, Р. Нафиков, Р. Ганеева, З. Рамеев,

Н. Хисамов, в чьём научном творчестве Тукай занимает достойное и едва ли не основное место. В этой связи хотелось бы вспомнить писателя и учёного Мухаммата Магдеева, который в 1986 году в одном из своих интервью в связи с выходом альбома «Габдулла Тукай» сетовал на то, что тукаеведение к тому времени ещё не сложилось как единое научное направление в татарской гуманитаристике. Он имел в виду отсутствие научного центра, приоритетом которого было бы изучение творчества Тукая. Прошло более 30 лет, но слова классика татарской литературы не утратили актуальности.

«КА». Простите, но разве в вашем институте эта тема не является приоритетной?

М. И. Безусловно, на протяжении 80 лет деятельности института Тукай, его творчество всегда были предметом изучения литературоведов, языковедов, искусствоведов, историков. Учёными-текстологами в разные годы велась работа над многотомными изданиями Тукая, наконец, преимущественно усилиями учёных ИЯЛИ, в сотрудничестве с исследователями Казанского университета, других образовательных и научных учреждений Татарстана и России была создана упоминавшаяся уже в нашем разговоре тукаевская энциклопедия. Но при этом центра изучения творчества Тукая или даже отдела ни в структуре нашего института, ни в КФУ нет. Речь не идёт о таком грандиозном культурном проекте, как, например, «Айтматов-центр» в Кыргызстане, но создать научно-исследовательский центр Тукая наподобие Института Абая в Казахском национальном университете, или отдел тукаеведения (наподобие отдела пушкиноведения в ИРЛИ), в принципе, возможно.

«КА». Что мешает этому?

М. И. Развитие любой науки во многом определяется преемственностью поколений, знаниями, опытом, передаваемым от учителей – состоявшихся учёных, ученикам – молодым исследователям, которые только начинают свою научную деятельность. Именно

Габдулла Тукай и Фатих Амирхан

так формируются научные школы. Если на каком-то этапе эта цепочка разрывается, то в дальнейшем оказываются необходимы большие усилия, чтобы восстановить эту лакуну. Тукаеведение здесь не является исключением. Самому авторитетному из ныне здравствующих учёных-тукаеведов, Зуфару Зайниевичу Рамееву, уже за восемьдесят, большого притока новых кадров в нынешней ситуации, когда статус учёного социально и материально не мотивирует молодёжь заниматься наукой, ожидать не приходится. В такой ситуации нужна точечная работа с кадрами.

«КА». Что вы имеете в виду? Поиск одарённой молодёжи, желающей заниматься изучением творчества Тукая?

М. И. Да, и желательно этот поиск начинать уже среди учащихся школ. Выявлению таких потенциальных учёных способствуют республиканские олимпиады по литературе, научные конференции учащихся и пр.

«КА». Давайте вернёмся к началу нашего разговора. Какими вы видите новые смыслы, которые можно открыть в творчестве Тукая?

М. И. Прежде чем ответить на этот

вопрос, хотел бы высказаться по поводу возможных путей открытия этих новых смыслов. Тукаеведение XX века в большинстве случаев предлагало читателям некий набор смыслов творчества Тукая, выводимый либо в результате анализа его произведений, либо подстраивая эти анализы под существующие идеологемы. Вот один из интересных примеров – стихотворение «Олуг юбилей менәсәбәте илә халык өмидләре» («Надежды народа в связи с великим юбилеем»), написанное по случаю широко отмечавшегося в стране 300-летия царствования династии Романовых. Оно не было включено ни в один из советских сборников стихотворений поэта, но отдельные татарские критики охотно цитировали его фрагмент, приводя в качестве аргумента интернационализма Тукая, признававшего цивилизаторскую роль великой русской культуры по отношению к татарской:

**В России наш удел и вес понятен,
В истории мы – зеркало без пятен.
Мы с русскими прожили душа в душу,
Слова мешая, чести не наруша,
Одною жизнью, нравами. Ролями –
Менялась жизнь – менялись временами.**

Перевод В. Думаевой-Валиевой

Последние дни Габдуллы Тукая. 1913

«КА» Какова в таком случае альтернатива такому подходу к Тукаю?

М. И. Она видится мне в понимании его произведений и творчества в целом как открытых. Открытое произведение обладает потенциальной множественностью смыслов. Задача современного тукаевода видится мне в том, чтобы показать читателю эту потенциальную множественность. Это соответствует запросу современного читателя, которого сейчас невозможно удовлетворить каким-либо одним безальтернативным видением литературных и культурных феноменов. Приведу пример, делающий мою мысль более прозрачной.

На протяжении многих десятилетий читателю навязывался образ Тукая как сироты, который всю свою жизнь терпел всевозможные лишения и даже не имел собственного жилья, живя и в Уральске, и в Казани в номерах гостиниц.

«КА». Разве это не соответствует действительности? Тукай, кажется, открыто пишет об этом в небольшом очерке своих воспоминаний о детских годах?

М. И. И в некоторых своих письмах он упоминает своё тяжёлое детство, которое, и по воспоминаниям самого поэта, и в опубликованных в разные годы воспоминаниях его современников, действительно было полным лишений. Возможно, этот травмирующий психологию

ребёнка жизненный опыт (смерть родителей, мытарства из одной приёмной семьи в другую) во многом повлиял на поэта, который, по словам людей из его близкого окружения, тяжело сходил с людьми, избегал женского общества, был эгоцентричен.

Но ведь в Уральске, куда Тукай приезжает в восьмилетнем возрасте, его жизнь изменяется. Благодаря заботе своей тётки (младшей сестры отца) Газизы и её мужа, Галиаскара Усманова, он поступает учиться в медресе, параллельно учится в трёхгодичном «русском классе», осваивает издательское дело в издаваемых Камилем Мутыгуллинским журналах и газетах. Наконец, печатает в них первые свои стихи, которые вскоре становятся известными всему татарскому миру. Да, его первые заработки в качестве наборщика были незначительными – 8 рублей в месяц, но вскоре, когда Тукай стал фактическим редактором изданий «Аль-гаср аль-джадит», «Фикер», «Уклар», его оклад вырос до 25 рублей и по меркам провинциального Уральска этих денег Тукаю вполне хватало не только во время его проживания в медресе, но и после переезда вместе с Габдуллой Кариевым в гостиницу «Казань», в которой за номер они платили 15 рублей в месяц. Эти факты трудно увязать с образом человека, испыты-

вающего постоянную нужду и лишения. Тем более, этот образ кажется нелогичным применительно к казанскому периоду жизни поэта, когда одна за другой начинают выходить его книги, за которые он получал гонорары. При этом поэт всё равно продолжал жить в гостиницах (за номер в «Булгаре» Тукай платил 8 рублей в месяц). Жить в гостинице или снимать более достойное жилье – было в воле самого Тукая. Кстати, гостиницы в то время были не только местом проживания, но и центром общественной жизни татар: в них зачастую располагались и редакции татарских газет и журналов, проходили собрания обществ.

«КА». Получается, что укоренившийся в массовом сознании образ Тукая как испытывающего нужду, одинокого, больного поэта – своего рода миф?

М. И. Можно использовать и это понятие, хотя татарская литературная общественность избегает его, в отличие, скажем, от русских литературоведов, посвятивших не одну работу исследованию пушкинского мифа в русской культуре. Очевидно, в слове «миф» многим видится посягательство на сакральный статус Тукая, сложившийся в татарской культуре, его низведение с пьедестала. Поэтому, если не употреблять в данном случае понятия «миф», то можно говорить о преувеличении в массовом сознании единственного смысла, выводимого из биографии поэта, определяемого понятием «мескен» (несчастный, горемычный).

«КА». Из ваших рассуждений следует, что возможен другой смысл, выводимый из биографии Тукая?

М. И. Конечно. Тукай не был горемыкой, по крайней мере, с момента его приезда в Уральск. Это был человек, который своим талантом добился того, что стал первым татарским поэтом. Здесь важен ещё один момент: маленький Апуш стал великим Тукаем не вопреки социальным обстоятельствам, а благодаря им.

«КА». Что вы имеете в виду?

М. И. Видите ли, после смерти Тукая в татарской критике появились высказывания, что в преждевременной смерти поэта виновата нация, которая

не уделяла своему гению достаточного внимания, не вытаскивала его из порочного социального окружения, в котором оказался поэт в Казани. Но, по-моему, прав был Джамалетдин Валиди, когда в предисловии к изданному в 1914 году сборнику произведений Тукая писал о том, что среди друзей поэта было немало тех, кто хотел протянуть ему руку помощи, отлучить от тянущего поэта на дно социального круга. Но Тукай, по словам Дж. Валиди, из-за своей врождённой гордости не соглашался принять заботу и попечение со стороны кого бы то ни было. Безусловно, татарские интеллектуалы из ближнего окружения Тукая (Ф. Амирхан, В. Бахтияров, Г. Камал, С. Рамиев и др.) знали цену Тукаю, как и большинство других представителей татарской интеллектуальной элиты начала XX века. В том, что Тукай стал великим поэтом есть и их заслуга. Вообще, я думаю, что эта черта, свойственная татарам того времени – поддерживать талантливую, способную к знаниям молодёжь. Кстати, показательна в этом плане судьба Мутыгуллы-хазрата, мудариса медресе в Уральске, в котором учился Г. Тукай. Как и Тукай, сын муллы Мутыгулла рано осиротел и воспитывался в семье своей тётки. Увидев его способности (уже в пятилетнем возрасте Мутыгулла, освоив грамоту, читал Коран), деревенский мулла отправляет его учиться в знаменитое Кшкарское медресе, а все расходы на обучение берут на себя жители деревни Малые Кайбицы, где родился будущий наставник Габдуллы Тукая.

«КА». Выходит, что в понимании любых феноменов, связанных с Тукаем, будь то фактов его биографии или отдельных произведений существуют различные точки зрения на них или, как вы говорите, смыслы?

М. И. Да, речь идёт о потенциальной множественности смыслов и множественности возможных точек зрения. Это соответствует запросам современной науки и современного общества, которое невозможно удовлетворить единственной точкой зрения на явления культуры, литературы.

«КА». Ситуация, о которой вы говорите, не ставит ли перед исследователями проблему выбора какой-либо из точек зрения? Например, при написании истории татарской литературы или биографий писателей?

М. И. Если позволите, я хотел бы отложить ответ на первую часть вопроса (относительно истории татарской литературы). Проект пятитомной истории татарской литературы на русском языке вошёл в республиканскую государственную программу по сохранению и развитию государственных языков. Сейчас, за два года до начала реализации этого проекта, очень важно сформировать дискуссионную среду вокруг него. Пока ясно одно: это не должно быть сокращённым переводом восьмитомной истории татарской литературы, работа над которой завершается в нашем институте.

Что касается биографии писателей, и конкретно Тукая, то, очевидно, назрела необходимость реанимировать проект «Жизнь замечательных людей». Блестящая книга Ибрагима Нуруллина в авторизованном переводе Радия Фиша увидела свет более сорока лет тому назад – в 1977 году. В ней заметно влияние идеологии того времени, присутствуют сложившиеся по отношению к жизни Тукая стереотипы, что, повторюсь, нисколько не умаляет её достоинства: даже сейчас, по прошествии четырех десятилетий, она читается с интересом.

Этот вопрос мы поднимали два года назад на организованном совместно с музеем Тукая круглом столе, посвящённом перспективам тукаеведения. Тогда писателем Ильдаром Абузяровым была высказана мысль о том, что в написании биографии Тукая в серии «ЖЗЛ» необходимо иначе, чем в книге Нуруллина расставить акценты. Абузяров говорил примерно о том же, о чём и мы с вами в ходе нашей беседы: биография Тукая – это биография успешного человека, который силой своего таланта и благо-

даря поддержке нации стал её гением. В таком представлении нет ничего надуманного, но оно возвышает татар, содержит в себе идею консолидации татарской нации (в отличие от книги Нуруллина, в которой зачастую педалировалась идея её социальных противоречий). Речь, конечно же, не идёт о том, чтобы сделать всех «отрицательных» (таких, например, как ишан Ишми, по доносу которого были проведены обыски в знаменитом татарском медресе «Буби») героев книги Нуруллина «положительными». Вопрос стоит именно в расстановке акцентов.

«КА». Кто бы мог написать такую книгу о Тукае?

М. И. Мне сложно ответить на этот вопрос. Во всяком случае, это должен быть учёный, обладающий даром писателя: книга не должна быть научной, и, одновременно, её автор должен хорошо знать биографию и творчество Тукая, татарскую литературу и культуру начала XX века. В этой связи хотел бы обратить внимание на опыт наших чувашских коллег, где издаётся серия «Замечательные люди Чувашии». Я, например, с большим удовольствием прочитал книгу о Михаиле Сеспеле, написанную профессором В. Г. Родионовым.

«КА». Ну что ж, будем надеется, что к следующему юбилею Габдуллы Тукая такая книга появится и, может быть, будет дан старт самой серии.

М. И. Уверен, что она востребована прежде всего русскоязычными читателями. Книги этой серии о Г. Тукае, Ф. Амирхане, Г. Ибрагимове, Г. Камале и др. могли бы расширить представление российского читателя о татарской литературе и культуре, тем самым способствуя межнациональному культурному диалогу.

«КА». Кратко подытоживая нашу беседу...

М. И. ...скажем, что нам нужен Габдулла Тукай вне идеологий, без творческо-биографических купюр, искажений, во всей полноте его жизни и творчества.

